

Кто не знает имя героя сказки Эрнста Гофмана — Щелкунчик? Казалось бы, оно было всегда, но это не так. Лишь благодаря переводчице Зинаиде Николаевне Журавской сказочный герой приобрёл это имя. Она просто-напросто придумала его, когда занималась переводом повести-сказки. Так, наверное, и должно быть, ведь мало кто интересуется, кто же подарил нам переводы «Робинзона Крузо» или приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна. Лишь в научных изысканиях кто-то вспомнит «королеву русского перевода» и напишет — перевод неточен и искажён, а кто-то, что переводчица обладала хорошей техникой и творчески подходила к своей работе.

Но стоит лишь прикоснуться к творчеству этой женщины, поражаешься её неутомимости и многогранности интересов. Список европейских авторов, произведения которых она переводила, так обширен, что потребуется несколько страниц для перечисления только фамилий. Кроме художественной она переводила научную, социальную, историческую литературу. Писала прозу под псевдонимом З.Н. Принимала активное участие в создании в России Союза Равноправности женщин и писала статьи для журнала «Союз женщин». Как пианистка давала концерты.

Хотелось бы о ней написать — о родителях, личной жизни, в общем, обо всём, что даёт возможность представить, что же это была за женщина. Хотелось бы написать о ней как о матери, ведь её дочь — поэтесса Серебряного века Елизавета Михайловна Журавская. Без труда находятся ссылки — перевод З.Н. Журавской, или можно открыть книгу и прочитать её перевод. О ней же всё сжато и скупо, одни общие фразы.

Хотелось написать о Журавских как о литературной семье, не так уж и много мы знаем случаев в русской литературе, чтобы мать и дочь занимались этим непростым делом, но при изысканиях не получилось сложить несомненно удивительных женщин в одно единое целое. Поэтому повествование пойдёт о каждой по отдельности.

Зинаида Николаевна Журавская (1867–1937)

Способности к языкам у Зинаиды проявились в раннем детстве. Её отец, титулярный советник Николай Семёнович Лашкевич, заметил склонность единственной дочери и к литературе. Имение в селе Остроглядово Стародубского уезда Черниговской губернии (ныне Брянская область), где 5 января (с. с.) 1867 г. родилась Зинаида, больших доходов Лашкевичу не приносило, но средств на образование дочери Николай Семёнович не жалел. В девять лет после традиционного

домашнего обучения Зинаида успешно выдержала вступительные экзамены в Орловский Александринский институт благородных девиц, состоявший в ведомстве императрицы Марии. Причём, кроме стандартных знаний — свободно писать и читать по-русски, выполнять арифметические действия с числами от 1 до 100, — в этом институте требовалось знание одного из иностранных языков. Обучение было платным — 300 руб. в год, но на старшем курсе в 1882 г. за успехи «девицу Зинаиду Лашкевич перечислили из своекоштных воспитанниц Орловского института на бесплатное содержание».

В это время в институте преподавал словесность Александр Николаевич Чудинов, человек необычайно широких интересов и талантов: журналист, переводчик, редактор, автор учебников и словарей. Будучи увлечённым человеком и обладая незауряд-

ными просветительскими способностями, он смог заразить свою одарённую воспитанницу возможностью переводить и «всё, что в вас есть талантливого, свежего, оригинального, тратить на то, чтобы перевоплотиться в другого человека, как можно ярче и верней передать его мысли и слова...».

К тому же Чудинов был редактором ежедневной газеты «Орловский вестник», где в беллетристическом разделе публиковались произведения известных и начинающих русских писателей и переводы европейских авторов. По совету ли Чудинова, или сама Зинаида выбирала произведение, но в 1883 г. в февральском и мартовском номерах «Орловского вестника» состоялся дебют юной переводчицы повестью французского романиста Ж. Галеви «Новые владельцы».

Летом этого же года Зинаида блестяще с Большой золотой медалью окончила Институт благородных девиц и получила место преподавателя французского языка в Орловской Николаевской женской гимназии. По программе Министерства народного просвещения французский язык для гимназий не являлся обязательным предметом, поэтому занятия не должны были проходить в «узко-определённой рамке, главная цель уроков дать возможность ученицам понимать французскую речь и научить их выражаться по возможности правильно». Это давало возможность преподавателю вести беседы «из окружающей жизни», читать и переводить вместе с ученицами, что только оттачивало знания языка Журавской.

В девятнадцать лет Зинаида вышла замуж за полковника Александра Журавского, это имя приводится в третьем томе Малороссийского Родословника под редакцией В.Л. Модзалевского, ничего более о нём найти не удалось. В 1890 г. у Журавских родилась дочь Елизавета.

В браке с Александром Журавским Зинаида Николаевна проживёт совсем не долго. Весь Орёл говорит о бракоразводном процессе четы Журавских; объяснение невероятному событию, вероятно, кроется в отчестве дочери. Она Елизавета Михайловна.

После развода Зинаида Николаевна оставаться в Орле уже не могла, и она переезжает жить в Санкт-Петербург. В первый год столичной жизни ей придётся нелегко. «Перепробовала все виды труда — от переписки и транспортировки нот до шитья для магазинов, давала уроки музыки, была чтицей». Вернуться к любимому делу и, что немаловажно, к возможности обеспечивать себя и дочь она смогла, когда состоялось знакомство с из-

дателем и книготорговцем Михаилом Михайловичем Ледерле (1857–1908).

В 1893 г. в набирающем популярность издательстве выходит перевод романа «Векфильдский священник» английского автора О. Гольдсмита с предисловием и примечанием Зинаиды Николаевны. Когда же Ледерле решит издавать книги по единой концепции для серии «Моя библиотека», где планировалось издавать переводы произведений классической и современной зарубежной литературы, он предложил Журавской поработать над повестью француза Ф. Коппе. Как она работает, издателю понравилось, и вскоре рядом с именем Ледерле почти во всех каталогах, справочниках стоит фамилия Зинаиды Николаевны.

Вот, к примеру, что можно прочитать в одном из критико-библиографических указателей книг о переводе Журавской романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»: «Перевод романа хороший; очень немного можно встретить шероховатостей, вроде “круглое лицо в ямочках” при описании прелестного личика маленького Гарри».

Она переводит с французского, немецкого, английского, итальянского, польского языков. Ч. Диккенс, М. Твен, Э. Золя, И. Гёте, Д. Боккаччо, А. Доде, Р. Мюнхгезанг, П. Лоти, Ш. Каниве, М. Твен, К. Лемонье — список зарубежных авторов можно продолжать и продолжать. Круг издателей, с которыми она работает, тоже широк — Ф.Ф. Павленков, О.Н. Попова, М.В. Пирожков, М.В. Сабашников. Чуть ли не в каждом русском журнале конца XIX — начале XX веков есть переводы Журавской — «Русское богатство», «Северный Вестник», «Мир Божий», «Русская школа» и др.

Как быстро работала Зинаида Николаевна, видно из переписки критика В.Я. Брюсова и редактора-издателя П.Д. Струве, одного из самых уважаемых и популярных в России журналов «Русская мысль».

2 сентября (по с. с.) 1910 г. В.Я. Брюсов в письме между прочими делами напишет, что хотел бы в журнале опубликовать роман французского писателя Г. Кронье «В маленьком городке» и нет ли у П.Д. Струве «подходящей переводчицы». В письме от 8 октября уже можно прочитать: «Начало перевода Кронье получено. Переводчица прислала мне письмо, где говорит, что Вы её пугали мною. Тут же она спрашивает значение двух весьма обыкновенных французских слов, что меня несколько огорчило». 20 октября В.Я. Брюсов сообщает редактору — издателю: «Перевод Журавской, по-видимому, правилен. Во многих местах она ловко выпута-

лась. Кое-что я ей исправил. Но стиль автора она безнадежно искадила. В данном случае это не имеет особого значения. Но романа стильного я бы не поручил ей переводить... (Конечно, очень прошу ей этого не говорить)». Читатель сможет ознакомиться с романом французского автора уже в 11 и 12 номерах журнала.

Известный редактор — издатель А.Э. Коган, выпускающий ежедневную бульварную газету «Копейка», решает издавать литературно-художественный и юмористический еженедельник «Солнце России». Редактором в издание он приглашает Журавскую. Это будет иллюстрированный журнал с цветной обложкой, отпечатанный на заграничных ротационных машинах. Почти за шесть лет своего существования с 1910 по 1916 г. он станет одним из самых востребованных у русской интеллигенции.

«Только что вышел Чеховский № “Солнца России” — восторг! Какие снимки, как всё скомпоновано, сколько смелости, остроумия, изящества! Я не говорю уже о технике», — напишет К.И. Чуковский И.Е. Репину, когда в июне 1914 г. в журнале выйдет очерк Ф.Д. Батюшкова «Две встречи с А.П. Чеховым».

Обложки журнала создавал художник-сказочник И.Я. Билибин. Юбилейный номер «Солнца России» с серией фотопортретов музыкантов — профессоров Петербургской консерватории в связи с приближавшимся её пятидесятилетним юбилеем, сделанных М.С. Наппельбаумом, произвели фурор. Он же был постоянным сотрудником «Солнца России». В журнале публиковались Маршак и Аверченко, Перфильев и Грин, Агнивцев и Зозили. Печатались работы Репина и Амосовой-Бунак, Левитана и Дени. Какие имена! В журнале выходили обзоры художественных выставок, биографии известных и молодых писателей, художников, музыкантов и артистов. И за всем этим — «королева русского перевода» Журавская. Именно так называли Зинаиду Николаевну по воспоминаниям другой примечательной переводчицы того времени А.Ф. Даманской. Они познакомились, когда в 1913 г. переводили собрание сочинений в четырёх томах Б. Келлермана, и впоследствии ещё не раз работали вместе. Уже в эмиграции Даманская напишет о Журавской, что «о даровитости, добросовестности и работоспособности Журавской рассказывали легенды».

Зинаида Николаевна, как и многие представители творческой интеллигенции, февральскую революцию 1917 года приняла и со свойственным ей энтузиазмом включилась в новую жизнь. Она принимает активное участие в создании Всероссийского профессионального союза переводчиков, в который вошло около 200

переводчиков художественной, научной и научно-технической литературы. По общему решению Журавскую избирают руководителем союза. Как кандидат от Всероссийской лиги равноправия женщин она принимает участие в выборах в Учредительное собрание Псковской губернии.

Наступает октябрь, и всё меняется. Она продолжает работать — переводит, чтобы получить «продовольственный паёк», сотрудничает с вновь созданным издательством «Всемирная литература», но от происходящего вокруг опускаются руки. Второй муж Журавской — журналист, публицист, редактор, борец с царским режимом — Виктор Вениаминович Португалов (1873 Самара — 1930, Париж) — был народным социалистом, членом редакции кадетской газеты «Речь», состоял в разных группах и союзах, большевистскую власть не принял и решил переехать в Киев. Зинаида Николаевна следует за ним, потом будут Ростов и иммиграция в Сербию.

Чета Португаловых поселится в небольшом городке Панчево, в четырнадцати километрах от Белграда. Ей за пятьдесят. Чтобы как-то прокормиться, она подрабатывает аккомпаниаторшей в сербских ресторанах. Иногда ей предлагают переводы. Так, в берлинском вновь созданном издательстве С. Эфрона выходит её перевод романа Р. Тагора «Дом и мир».

В декабре 1920 г. Виктору Вениаминовичу предлагают возглавить варшавскую эмигрантскую газету «За свободу», которая была основана известным эсером — террористом Б. Савинковым. Португалов уезжает в Польшу, Зинаида Николаевна едет следом.

В газете «За свободу» Журавская заведовала иностранным и литературным отделами. Под псевдонимом З. Ж. писала критические статьи, фельетоны, заметки. Если посмотреть библиографию газеты, составленную О.А. Коростелёвым за 1921–1923 гг., можно найти несколько рассказов, повесть и отрывки из книг, переведённые Журавской. Иногда удавалось получить ей заказы и на другие переводы. «Перевела уже три книги о коврах», — напишет она А.Ф. Даманской в октябре 1926 г.

В критической статье на первый роман трилогии А.М. Ренникова² о жизни русских эмигрантов она напишет: «Вообще, в романе много такого, от чего больно сжимается сердце, и что невольно

² Андрей Ренников (настоящее имя Андрей Митрофанович Селитренников) (1882, Кутаиси — 1957, Ницца) — русский писатель, журналист и драматург, редактор, педагог.

вызывает грустную и добрую улыбку... Соотечественники, одним словом — и не худшие из них».

Эта фраза выражает и её состояние, она — представитель русской интеллигенции, и не худшая из них, сердце сжимается, что вне отечества, грустно от того, что нет любимой работы и приходится братья за любую: давать уроки русского языка, играть на фортепьяно в кинотеатрах между сеансами. На пятки наступают старость, и возвращение на родину превращается в иллюзорность. До неё доходят слухи, что в советской России переиздают её переводы Г. Верона, У. Локка и др. В эмигрантских издательствах тоже выходят книги в её переводе. Она готова переводить и дальше, но «никто не обращается».

Между тем, супруг Виктор Вениаминович ведёт активную политическую деятельность, он член Демократической группы в Варшаве, возглавляет варшавскую группу «Крестьянской России», редактор журнала «Родное слово», сотрудник газеты П.Н. Милюкова. В конце 1929 г. из-за внутривнутрипартийного раздора решает переехать во Францию. Зинаида Николаевна опять следует за мужем.

В мае 1930 г. В.В. Португалов скоропостижно скончался. Зинаида Николаевна оказывается в безвыходном положении, она поселится в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. Как журналист подрабатывает в русскоязычной газете «Последние новости», как пианистка принимает участие в музыкальных программах студенческого клуба при Русском студенческом христианском движении.

15 января 1937 г. Зинаиды Николаевны Журавской не стало. Похоронена на местном кладбище

Елизавета Михайловна Журавская

Судьба поэтессы Журавской — как большое белое пятно. Точную дату рождения найти не удалось, лишь 1890 г. Кто был отцом? Возможно, составитель Малороссийского Родословника Модзалевский ошибся, и мать Елизаветы была женой не Александра Журавского, а Михаила. Можно предположить, что названа она была в честь прабабушки Елизаветы Карловны Лашкевич, в девичестве Краббе. Её прадедушка Семён Николаевич, дослужившийся до полковника, был окружным начальником в Грузии, кавалер орденов: святой Анны 2-й степени с короной, святого Владимира 4-й степени и святого Станислава 3-й степени. Сегодня выдвинута версия, что Семён Николаевич был причастен к восстанию дека-

бристов, во всяком случае на Кавказе он был известен как офицер, причастный к событиям 14 декабря. В январе 1826 г. был арестован, но полковое расследование пришло к выводу, что он «по любопытству пошёл за бунтовавшими офицерами». Но всё же был переведён из столицы в полк Кавказского корпуса.

Единственное, что хорошо известно о молодости Елизаветы, — это её участие в германской войне сестрой милосердия. Затем будет Добровольческая армия и «Ледяной поход» с Дона на Кубань, продолжавшийся с 9 февраля по 30 апреля 1918 г.; за восемьдесят дней похода (из них сорок четыре дня боёв) армия прошла более 1120 км. Именно тогда Елизавета написала стихотворение «Песнь первых добровольцев»:

Вечерней порою, сомкнувшись в строю,
Поём мы негромкую песню свою
О том, как в далёкие степи ушли
Мы, дети безумной, несчастной земли.
И в подвиге видели цель мы одну:
Спасти от позора родную страну.
Пугали нас вьюги и холод ночной,
Не даром дался нам Поход Ледяной!
И много, о, много под снегом полей
Лежит неоплаканых верных друзей.
Смеясь, сторожила нас Смерть — часовой,
Но шёл, не смутясь, офицер-рядовой.
И ширилась, ширилась дружная рать.
Безвестно, безмолвно мы шли умирать.
И снова невзгоды грозили толпой,
И било нас море солёной волной,
И плакали ветры в расселинах гор,
И солнце палило тускнеющий взор...
И был Доброволец в борьбе одинок...
Голодный, раздетый, он всё превозмог.
Трёхцветное знамя — наш светлый маяк:
Не сломит его торжествующий враг.
С надеждой горячею страстно мы ждём,
Что встанет Россия в величье своём.
Но тяжек, о Родина, крестный наш путь,
Теснится тоска в богатырскую грудь...
Мы здесь не жильцы, мы идём умирать,
И семьям безвестных могил не сыскать...

Мы гибнем, не видя участия, любви!...
Но встанет Россия на нашей крови!
И вот отчего — обречённых тоской
Звучит наша песня вечерней порой.

Из Крыма Елизавета Михайловна эмигрировала в Сербию. Её жизнь мало чем отличалась от жизни таких же неустроенных, безденежных и «обречённых тоской» русских эмигрантов, но у неё было одно преимущество — она владела словом.

Журавская — член белградского Союза русских писателей и журналистов. В газете «Старое время» «любитель поэзии всегда мог надеяться на встречу со стихами Е. Журавской, изумительной поэтессы Белграда». Освещая открытие выставки русских художников в белградском университете в августе 1924 г., она напишет на первый взгляд простое, но выверенное так, словно ты ходишь по выставочным залам, стихотворение-натюрморт:

Со всех концов земли любезной
Мы принесли сюда вчера
И тяжкий труд кирки железной,
Иглы, и кисти, и пера,
И наших дум, и наших знаний
Плоды, созревшие в тиши,
Средь терний долгого изгнания,
Средь грустных сумерек души.
И вот смотрите: в строгой зале
Цветут гирлянды пышных роз,
И бледно-палевых азалий,
И ветви трепетных мимоз.
Там кружев нежных паутина,
А вот работы наших школ,
Эскизы, книги и картины,
Тут слон из мыла, улей пчёл,
И детских кукол ряд забавный,
Шелками вышитый павлин,
Вот на стене в борьбе неравной
Со змеем бьётся исполин,
Резьба по дереву ручная,
Иконы древнего письма
И фотография цветная,
И карт узорная тесьма,

Попытка первая малютки —
Рисунок робкий и простой,
И милый облик институтки
С наивной девичьей косой.
И всё напомним, что в лишениях,
Терпя обиды едкий дым,
Обломки грозного крушенья,
Мы живы, мыслим и творим.

Как Елизавета Михайловна познакомилась с молодой русской художницей Еленой Андреевной Киселёвой, неизвестно, но на Большой выставке русского искусства, проходящей весной 1930 г., будет представлен «Портрет поэтессы Журавской». В единственном своём сборнике стихов «Звенья», изданном в Белграде через год, Журавская посвятит Киселёвой стихотворение.

На чёрном бархате раскрытого окна
Как будто вышиты седые хризантемы
В хрустальной вазе.
Ночь и тишина...
И небо, и цветы — всё призрачно и немо...
О, красота пролётных снов земных!
Как быстро ты уходишь в тёмное забвенье,
И удержать стремится тщетно стих
Живые облики летучего мгновенья.
Но ты, художник смелый, грубого холста
Коснёшься кистью вдруг, волшебю своевластной,
И времени полёт остановишь бесстрастный,
И вечность на земле познает Красота.

Судя по количеству ссылок в журналах, газетах, сборниках, Елизавета Михайловна публиковалась много. Её творчество обсуждали, писали рецензии. Так, между поэтом В.А. Сумбатовым и музыкантом, знатоком поэзии И.А. Персиани случилась такая полемика: «Стихотворения г-жи Журавской мне тоже нравятся, хотя, будучи отравлен Вашим ядом, я почти всегда нахожу в них недостатки. Вот в тех двух стихотворениях, о кот<орых> Вы писали, рифмы подгуляли, есть даже “грохотом-молотом”, а именно “вороньё-жнивье”. И что это за образ “один в тоске, как хрупкой раковины створка, волной забытая в песке”»? — напишет Сумбуров Персиани. И следом: «А не думаете ли Вы, Иван Алек-

сандрович, что мы с Вами чересчур строго относимся к чистоте созвучий и этим сильно сокращаем количество существующих рифм. Ведь, вот, у Журавской: “зорко — створка”, “согреет — су-меют”, “беспредельны — смертельно”, — для глаза они не рифмуют, а для слуха при чтении ничем не отличаются от более точных рифм. Или я тупоух?»

Вот ещё одно стихотворение Елизаветы Михайловны «Милый Сон-Чародей».

Милый Сон-Чародей,
Обними, пожалей,
В свой чертог золотой
Уведи, успокой.
Пусть мгновенье одно
Лишь мне будет дано,
Чтоб забыть, улететь,
Обмануть, умереть!
В царство сказок и грёз
От страданий и слёз.
Защити, отогрей,
Приласкай горячий!
Ты раскинь жемчуга
По узорной парче
И раздвинь берега
Тёмной жизни душе,
Пусть забвеньем полна
Вся утонет она
В твоих ясных лучах,
В твоих зыбких волнах.
Светом ярких огней
Ты зажгися скорей,
Обними, пожалей,
Милый Сон-Чародей!

В 1950 году Журавская переехала в Италию, в город Триест, где продолжала сотрудничать в русскоязычных изданиях. Скончалась Елизавета Михайловна в 1953 году. Искушённый читатель спросит — и это всё о поэтессе? К сожалению, это пока так. А где лингвистический и стилистический анализ её творчества? Думается, это не главное, необходимо, чтобы о ней вспомнили и прочитали её стихи, а потом придёт время и для анализа.

Когда-нибудь...

Когда-нибудь изгинут годы эти
Холодного бессилья и беды.
Весь чёрный сон немых десятилетий
Нечеловеческой страды. (...)
Когда-нибудь узнают поколенья.
Чьей правдою горели в нас сердца,
Чьи непреклонные суровые веленья
Мы совершили до конца.
Когда-нибудь минётся испытанье.
Наследьем славных станет память сеч,
И обовьёт цветущее преданье
Колочий тёрн и старый, верный меч.
Когда-нибудь.

Источники и литература:

1. Даманская А.Ф. Союз русских переводчиков. Сегодня. [Последние новости]. Рига. 1935.
2. Кузьменко Д.М. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1912 гг. Москва. 1912.
3. Модзалевский В.Л. Малороссийский Родословник. Том 3.
4. Анненская А., Герда В., Лихарева Н. Критико-библиографический указатель книг «О детских книгах».
5. Муратова К.А. Материалы по истории литературы и общественного движения. Литературный архив. Москва, Ленинград. 1960.
6. Чуковский К.И. И.Е. Репин. Переписка. 1906–1929.
7. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». Библиография. За свободу! Варшава. (1921–1923). Роспись литературных материалов.
8. Ж. З. (З. Журавская). А. Ренников. «Души живые» (рецензия). За свободу, Варшава, 20 июля 1925 г.
9. Ильин П.В. Новое о декабристах. Санкт-Петербург. 2004.
10. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». В.А. Косик. Немного о русской прессе на Балканах в межвоенный период.
11. Сборник научных трудов. Л.Ф. Алексеева В.А. Сумбатов о русском слове. Саратов. 2010.